

АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СТИХОТВОРЕНИИ И. БРОДСКОГО «ПИСЬМА ДИНАСТИИ МИНЬ»

В. В. Оразбекова

Московский финансово – юридический университет
(г. Москва, Россия)

Аннотация. Статья посвящена аллюзии как одному из средств интертекстуальной игры в стихотворении И. Бродского. Аллюзия рассматривается в рамках интертекстуальности выполняющая функцию многослойной структуры текста. Исследуются культурные, исторические и литературные архетипы как семантические коды. Устанавливается взаимосвязь между сказочными аллюзиями и реальными концептами в произведении, формирующими поэтическую картину мира. Исторический концепт позиционируется с различными культурными текстами и аллюзиями, которые рассматриваются как прецедентные феномены. Аллюзии рассматриваются в контексте семиотической теории «текста в тексте».

Ключевые слова: аллюзия, интертекстуальность, художественный текст, прецедентный феномен, языковая игра, семиотический код.

ALLUSION AS A MEANS OF EXPRESSING INTERTEXTUALITY IN I. BRODSKY'S POEM "LETTERS OF THE MING DYNASTY"

V. V. Orazbekova

Moscow University of Finance and Law
(Moscow, Russia)

Abstract. The article regards allusion as one of the means of intertextual play in the poem by I. Brodsky. The author considers allusion in the context of intertextuality, which performs the function of a multilayer structure of the text. The work considers cultural, historical and literary archetypes as semantic codes. The author establishes a relationship between fairy tale's allusions and real concepts in the work and forms a poetic picture of the world. The article connects historical concept with various cultural texts and allusions, which are seen as precedent phenomena. The work considers allusions in the context of the semiotic theory of "text in text".

Keywords: allusion, intertextuality, literary text, precedent phenomenon, language game, semiotic code.

Проблема чужого слова в художественном тексте активно разрабатывалась в рамках семиотической теории «текста в тексте», интертекстуальности. Коммуникативный подход обуславливает особую значимость исследования поэтического текста с точки зрения адресата. Вследствие этого актуальной становится проблема адекватного понимания содержания литературного произведения. Общее ядро информационных тезаурусов дает возможным широкое понимание текста. К определению понятия «чужой» текст относятся цитата, реминисценция, аллюзия, интертекстуальность. Чужой текст выполняет роль своеобразной дефиниции данных понятий. Под цитатой в лингвистике понимается точное воспроизведение фрагмента

«чужого» текста. В литературоведении понятие «цитата» нередко употребляется как общее, родовое. Оно включает в себя цитату – как точную передачу фрагмента текста и аллюзию. Намек на исторические события, бытовые или литературные факты, широко известные читателю или носителю культурных реалий. А также реминисценции, присутствующие в художественных текстах «отсылки» к предшествующим литературным фактам. Это образы литературы в литературе. По мнению Г. Слышкина, «осознание и использование того, что знаковая единица, особенно взятая вне контекста, может служить отсылкой ко множеству различных концептов, также является важным элементом коммуникативной компетенции, позволяющим создавать изощренные речевые фигуры, основанные на двусмысленности: загадки, эвфемизмы, иносказания, персифляция (насмешка, замаскированная под комплимент), подтексты, намеки» [11, с. 20].

Часто реминисценции уподобляют цитатам. В текст отсылка может включаться сознательно и целеустремленно, либо возникать независимо от воли автора, непроизвольно, являясь литературным напоминанием. Реминисценции опираются на ранний опыт или на пародирование ранее созданного текста. При этом оценка может быть как положительной, так и отрицательной: «...при всем многообразии цитации разные и часто несхожие «голоса» всегда помещаются в такой контекст, который позволяет за чужим словом услышать авторское (согласие или несогласие с этим чужим словом)» [14, с. 267]. Область применения реминисценций шире сферы цитирования. Реминисценциями нередко становятся простые упоминания произведений с их оценочными характеристиками. Литературные реминисценции и их разновидности родственны и имеют общее целеполагание – создание иных текстов, в которых аллюзии хранятся в «свернутом» виде. Аллюзия составляет одно из звеньев содержательной формы литературного произведения, которые реализуют культурно – художественную и стилистическую проблемы творчества. Аллюзия, выражая смысловые оттенки и оценку литературных фактов, оказывается неким подобием литературно – критического выступления. Тем самым создается мир художественных текстов в одном литературном пространстве, которые соприкасаясь друг с другом, создают новые отсылки и порождают новые смыслы.

Натали Пьеге-Гро считает, что: «интертекстовая аллюзия заключается в том, чтобы в имплицитной форме установить связь данного текста с другим текстом» [10, с. 224]. Таким образом, главная функция цитаты – преобразование и формирование смыслов авторского текста. Если читатель не узнал «чужое» слово, следовательно, он не прочитает скрытые смыслы и текст станет «мертвым». Цитирование сохранится только в данном тексте, а значит, не произойдет преобразования авторского текста. Важна не сама цитата, а ее функция, которая вызывает ряд ассоциаций. Она становится возможностью диалога читателя с другими текстами, которые обогащает авторское высказывание за счет цитирования текста. Иногда автор использует одно слово или фразу, которая становится отсылкой. Подобное явление принято называть прецедентностью. «"Литературное слово" – это «место пересечения текстовых плоскостей», "диалог различных видов письма"» [14, с. 268].

Поэтические тексты И. Бродского наполнены литературными цитатами, аллюзиями, реминисценциями. Автор погружает читателя в разветвленный полилог с другими культурами, историческими, эстетическими, литературными традициями. Бродский вводит в поэтический текст чужое слово, ориентируется на глубину культурологических и литературных знаний читателя, способного не только «опознать» чужое слово, но и осмыслить его в семантической культуре. Чужой текст в интерпретации читателя служит источником цитат и аллюзий, вступая в прагматические связи с другими элементами, формирует новые смыслы текста. Многочисленный ассоциативный круг, вплетаясь в структуру текста, порождает новые ассоциации, обретает двойное звучание. Аллюзия как намек на литературный факт отличается от цитаты как точного воспроизведения какого – либо фрагмента

чужого текста. Лексическая структура текста – источник аллюзии, всегда усечена, иногда до одного компонента, который становится отсылкой.

В поэтическом тексте часто присутствуют элементы и стилистические приемы, ранее употреблявшиеся в других текстах. Например, метафоры, сравнения и другие тропы и фигуры, которые воплощают авторский замысел, выполняют роль стилизации, интерпретации, пародированию, отсылки к чужим текстам. Использование огромного арсенала приводит к широкому выбору художественно – изобразительных средств. Для создания многослойности структуры текста используются интертекстуальные связи и прецедентные феномены. Они создают определенные смысловые уровни: культурные, исторические и мифологические контексты. Термин «интертекст» был введен теоретиком постструктурализма Ю.Кристевой. Она понимала под термином «неотъемлемое свойство создавать уровень импликации» [8, с. 187] и отсылать читателя к уже написанным ранее текстам или культурным концептам. Несмотря на то, что именно Кристева впервые употребила этот термин, при его раскрытии все же она повторяет трактовку Р. Барта. Он отмечал, что любой текст состоит из отсылок, отзвуков, цитат и все это является языками самой культуры, старыми и новыми, проходящими сквозь текст и создающими мощную стереофонию. «Всякий текст есть междутекст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не стоит понимать так, что у текста есть какое-то происхождение. Всякие поиски «источников» и «влияний» соответствуют мифу о филиации (развитии) произведения, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат» [2, с. 418].

И. В. Арнольд определяет интертекстуальность как «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1, с. 351].

Ю. С. Степанов полагает, что интертекст – это то, что проступает за двумя текстами, «... он многоярусен, «многэтажен» и на уровне первого этажа уже имеет устоявшееся наименование – интертекст. Интертекст – это то, что можно читать в прямом смысле этого слова. Следующие этажи уже вряд ли можно назвать «текстами», поскольку они состоят из «нечитаемого» – понятий, образов, представлений, идей...» [12, с. 3].

Средствами выражения межтекстовых связей являются цитаты, аллюзии, реминисценции.

В современной языковедческой литературе нет четких границ данного явления. Аллюзию рассматривают с позиции интертекстуальности, как одно из средств её реализации, а также как стилистическую фигуру речи. По мнению Н. А. Фатеевой, интертекстуальность – это способ «генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [13, с. 12].

Аллюзия – сознательное использование определенных явлений, фактов, лиц, рассчитанных на возникновение ассоциативных подтекстов. Аллюзия – средство реализации интертекстуальных связей, умышленно употребляемых, выполняющих определенную стилистическую функцию. Интертекстуальность создает уровень импликации и отсылает читателя к уже написанным ранее текстам, в то время как аллюзия – более узкое понятие. В стихотворении И. Бродского «Письма династии Минь», аллюзия используется как трансформация прецедентного высказывания. Прецедентный феномен служит основой создания языковой игры. У Бродского аллюзия служит инструментом переноса мифологических, исторических, литературных персонажей с отсылкой на вторичный текст.

Таким образом, аллюзия как категория прецедентности и интертекстуальности используется в качестве средства кодировки информации. Бродский использует аллюзию как семантический код. Он интерпретирует в своем тексте сказочные и исторические реалии.

Как считает В. В. Красных, «текст становится хорошо известным всем представителям национально-лингво-культурного сообщества (или, как минимум, их подавляющему большинству). Этого бывает достаточно, если текст достаточно короткий и некоторым образом «навязывается» членам сообщества. Примерами в данном случае могут служить детские сказки и стихи (при этом в каждой культуре существует свой «обязательный» набор таких произведений, с которыми знакомятся все личности, проходящие социализацию в данной культуре). Иногда дополнительным фактором становления ПТ может служить персонаж текста, чье имя имеет (приобретает) статус прецедентного» [7, с. 194].

Поэт выбирает смысловые конструкции из сказки Г. Х. Андерсена «Соловей»: противопоставление живого и механического соловьев; бегство соловьев из дворца. У Бродского заводной соловей, убаюкивающий своим пением императора богдыхана. Андерсоновские мотивы трансформируются в стихотворении. В сказке соловей живет при дворе в особой комнате, гуляет на свободе (при этом 12 слуг держат его за привязанные шелковые ленты, привязанные к лапке). Бродский избавляется от иронических парафраз, вводя прямой образ клетки. Композиционным зачином является освобождение живого соловья и бегство. Бродский использует данный прием, смысловой зачин, чтобы показать главную тему – тему упадка и оскудения мира, из которого уходит искусство. Тем самым, он отождествляет образ соловья с искусством и творчеством, подчеркивает ее главную роль в человеческом существовании.

Бродский наполняет андерсоновский сюжет новыми оригинальными мотивами.

«И, на ночь глядя, таблетки

богдыхан запивает кровью проштрафившегося портного»

в данной строке заложена прямая отсылка к ещё одной андерсоновской сказке – «Новое платье короля». Интерпретируется намек на обманчивость мира и ложность реального мира. Бродский указывает на возможное наказание. В Азии в средние века, особенно в Китае, использовались самые разные способы и методы наказания за различные преступления. В уголовном кодексе карательных мер в династии Мин определены 5 видов наказания за различные преступления и проступки. Традиционная китайская историография относила возникновение системы 5 вариантов наказаний, отрезание носа, отрубание одной или обеих конечностей, оскотение и смертную казнь [9, с. 10].

Стандартная классическая форма пяти видов наказаний была установлена при династии Минь была установлена при династии Суй и сохранилась как традиционная. Система охватывала около 3 тысяч преступлений. В минскую эпоху использовалась порка батогами. Согласно энциклопедии Брокгауза и Эфрона, батоги – палки или толстые прутья, толщиной в палец с обрезанными концами, употреблялась в XV – XVIII веках в России для телесных наказаний за мелкие провинности. Во время правления Пера I данное телесное наказание получило наименование «шпицрутенов» (Spitzruthen). Иными словами, это был один из самых мелких наказаний, который использовался и на востоке. За воровство, ложь, подлог использовали как раз избиение батогами. Позже и это наказание заменили на изоляцию осужденных на определенное время от привычных условий жизни и социальной среды, и принуждение к выполнению тяжелого физического труда» [5, с. 141]. То есть, в данном стихотворении богдыхан представлен как весьма жестокий правитель.

Бродский позиционирует данный мотив с историческим контекстом, возможно, с трагедией утраты родины.

Еще одной интересной и весьма загадочной деталью является отсылка «специальное зеркало, разглаживающее морщины, каждый год дорожающей».

Подобная трансформация дает основание полагать, что поэт отсылает читателя к известной сказке А. С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне».

«Свет мой, зеркальце! Скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»

Или речь идет о зеркалах, способных исказить изображение (сказка о королевстве кривых зеркал).

При изготовлении зеркал используется серебряное покрытие, так как у этого металла высокий коэффициент отражения. Но и этот факт не гарантирует его высокое качество, поскольку человек воспринимает отражение с дефектами, обусловленными его индивидуальными особенностями. Это всего лишь зрительная проекция, которая проявляется в результате работы системы восприятия человека, которое во многом зависит от функции органов зрения и работы мозга, трансформирующего поступающие в мозг сигналы в образы. К слову, в древности считалось, что зеркало обладает магическими свойствами. Самое древнее объяснение принадлежит Парацельсу, который считал зеркала тоннелем, соединяющим материальный и тонкий миры. В истории известны факты, когда зеркало наделялось таинственными и магическими свойствами, что было связано с языческими представлениями на Руси. Так, существуют версии, что И. Грозный, боявшийся дурных сил и сглазов, распорядился, чтобы его жене зеркало делали слепые умельцы. Это было связано с поверьем, что зеркало способно передавать порчу. Екатерина Медичи владела зеркалом, которое приоткрывало ей будущее Франции. Генрих IV полагался на зеркало, чтобы раскрыть политические интриги и заговоры против себя. В древнекитайской мифологии зеркало было знаменитой эмблемой всевидящего ока. Мистические свойства зеркал до сих пор исследуются и изучаются. В сказке о мертвой царевне зеркало – самостоятельный персонаж, который не хочет льстить и показывает правду, отражает внутренние качества героини.

Следующий компонент, который следует выделить – «ровная песня» заводного соловья. Данный семиотический код указывает на обездушивание мира как один из симптомов его упадка. Данный мотив реализован в контексте фразы *«Писано тушью на рисовой тонкой бумаге, что дала мне императрица»*.

Почему-то вокруг все больше бумаги, все меньше риса», т.е. происходит замена жизни ее имитацией. Рисовая бумага – ещё один мотив замены жизни на её имитированный аналог. Термин «рисовая бумага» *rice paper* вошел в обиход среди иностранцев, которые так называли всю бумагу, изготовленную ручным способом в Китае. Дело в том, что в состав рисовой бумаги, используемой в каллиграфии и живописи, входит кора тутового и сандалового дерева, а также сердцевина китайского бумажного дерева. Подобный образ – формализм как искажение реальности или его изменения и как способ вытеснить реальный мир – параллель с заводным соловьем. Значение данной аллюзии в контексте – стремление не замечать упадок, как экономический, так и нравственный. Искусственный способ убеждения в неизменяемости мира.

В сознании Бродского Восток символизирует рабство и угнетение «Восток есть прежде всего традиция подчинения, иерархии» [3, с. 281]. В данном стихотворении китайская культура рассматривается глазами западной культуры. Через сказочные аллюзии, нагроможденные стереотипами, поэт стремился показать двойной оптический взгляд на порочный мир, избегая прямой оценочности.

Следующим семантическим кодом является имя возлюбленной Дикая утка. Это аллюзия и прямая отсылка на произведение Г. Ибсена. «Дикая утка» вся соткана из символов. Это и сама дикая утка, символизирующая распад личности Экдала и Яльмара, и «пучина морская», затянувшая когда – то утку, а теперь отца и сына [6, с. 491–492].

Во второй части стихотворения Бродский развивает мотив обреченности: «Ветер несет на Запад». Строка завершает движение в стихотворении. «Туда, где стоит Стена» – традиционный образ «ненужности», оторванности от родных корней. Герой обречен на одиночество и тоску по родине. Понятия «Запад» и «Стена» несут в себе многозначный характер. Создавая китайский колорит, герой возможно, находится в северной части империи. В строке возникает парадигма сравнения с европейским оттенком:

*«На фоне ее человек уродлив и страшен, как иероглиф,
как любые другие неразборчивые письма».*

Данное сравнение указывает на оппозицию «Восток – Запад», так как для Бродского одна из восточных примет – иероглифика, восточный орнамент, связанный с обезличиванием человека. Восточный принцип орнамента в интерпретации Бродского – не только декоративный аспект письменности, но и глубокие культурные концепты, связанные с впечатлениями поэта. Кроме того, восточная тематика придает иносказательность. Мир стихотворения – советский мир, а Стена – не только Великая китайская, но и Берлинская.

Тем самым, Бродский усиливает посредством аллюзий ностальгическую интонацию произведения.

Осознание эстетической и семантической значимости цитат и аллюзий в лексической структуре текстов И. Бродского, постижение смыслов и ассоциаций, привнесенных чужим словом в текст, приближает читателя к адекватному пониманию содержания поэтического произведения.

Список источников и литературы

1. Арнольд И. В. Проблемы интертекстуальности // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2: история, языкознание, литературоведение. 1992. № 4. С. 53–61.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 3–45] Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1994. 615 с.
3. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. В 7 т. Т. 5. СПб.: Пушкинский фонд, 1999. 431 с.
4. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
5. Законы великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). В 2 ч. Ч. 1 / Пер. с кит. и примеч. Н. П. Свистуновой. М.: Вост. лит., 2002. 573 с.
6. История зарубежной литературы конца XIX – нач. XX вв. /под ред. проф. М. Е. Елизаровой и проф. Н. П. Михальской. М.: Высш. шк., 1970. 627 с.
7. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
8. Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 652 с.
9. Пивоваров Н. Д. Наказания в китайском праве династии Мин // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 9–14.
10. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
11. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 141 с.
12. Степанов Ю. С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия АН. Сер. Литературы и языка. 2001. Т. 60, № 1. С. 3–11.

13. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия АН. Сер. Литературы и языка. 1997. Т. 56, № 5. С. 12–21.
14. Хализев В. Е. Теория литературы: учеб. для студ. вузов. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 404 с.
15. Христенко И. С. К истории термина «аллюзия» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1992. Вып. 6. С. 42–44.

References

1. Arnol'd I. V. Problemy intertekstual'nosti [Problems of intertextuality]. Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya 2: *Istoriya, yazykoznaniiye, literaturovedeniye* [Vestnik of Leningrad University. Series 2, language and Literature]. Issue 4. 1992. Pp. 53–61. [In Russian].
2. Barthes R. *Izbrannyye trudy: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Transl. from French, comp., edited, introductory article on pp. 3-45 by G. K. Kosikova. Moscow: Progress Publ., 1994. 615 p. [In Russian].
3. Brodsky I. A. *Sochineniya Iosifa Brodskogo v 7 tomakh* [Works of Iosif Brodsky in 7 volumes] Tom 5 [Volume 5]. Saint Petersburg: Pushkinsky fond Publ., 1999, 431 p. [In Russian].
4. Denisova G. V. *V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod* [In the World of Intertext: Language, Memory, Translation]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003, 298 p. [In Russian].
5. *Zakony velikoy dinastii Min so svodnym kommentariyem i prilozheniyem postanovleniy (Da Min lyuy tszi tsze fu li). V 2 ch. Ch. 1* [The Great Ming Code with a summary commentary and annexed regulations (Ming lü jijie fuli). In 2 Parts. Part 1]. Transl. Form Chinese and notes by N. P. Svistunova. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1997, 573 p. [In Russian].
6. *Istoriya zarubezhnoy literatury kontsa 19 - nachala 20* [The history of foreign literature of the late 19th - early 20th centuries] edited by M. E. Elizarova, N. P. Mikhalskaya. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1970, 627 p. [In Russian].
7. Krasnykh V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? ["At home" among "strangers": a myth or reality?]. Moscow: Gnozis Publ., 2003, 375 p. [In Russian].
8. Kristeva J *Izbrannyye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected Works: The Destruction of Poetics]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004, 652 p. [In Russian].
9. Pivovarov N. D. Nakazaniya v kitayskom prave dinastii Min [Punishments in the Chinese law of the Ming Dynasty] *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava № 7* [Relevant Problems of the Russian Law. Issue 7]. Moscow: 2015, pp. 9–14. [In Russian].
10. Piege-Gro N. *Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti. [Introduction to the theory of intertextuality]*. Moscow: LENAND Publ., 2015, 240 p. [In Russian].
11. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnyye kontsepty pretsedentnykh* [Linguocultural concepts of precedent texts]. Moscow: Akademia Publ., 2000, 141 p. [In Russian].
12. Stepanov Yu. S. “Intertekst”, “internet”, “intersubekt” k osnovaniyam sravnitelnoi kontseptologii [“Intertext”, “Internet”, “Intersubject” (to the Foundations of Comparative Conceptology)]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*, Vol. 60, Issue 1, 2001, pp. 3–11. [In Russian].

13. Fateeva N. A. Intertekstual'nost' i yeye funktsii v khudozhestvennom diskurse [Intertextuality and its functions in artistic discourse]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*, Vol. 56, Issue 5, 1997, pp. 12–21, [In Russian].
14. Khalizev V. E. *Teoriya literatury: uchebnyk dlya studentov vuzov* [Literature theory: a textbook for university students]. 4th rev. ed. — Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2004, 404 p. [In Russian].
15. Khristenko I. S. K istorii termina «allyuziya» [More on the History of the Term "Allusion"] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. Vyp. 6. [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology. Issue 6]. Moscow: MSU Publ., 1992, Pp. 42–44, [In Russian].

Сведения об авторе

Оразбекова Вера Васильевна –
магистр педагогических наук,
преподаватель кафедры общеправовых и
социально – гуманитарных наук МФЮА
(e-mail: orazbekova.vera2017@yandex.ru).

Information about the Author

Orazbekova Vera Vasilievna,
master of Pedagogy, Teacher at the Chair
of General Legal, Social Sciences and
Humanities of MFUA
(e-mail: orazbekova.vera2017@yandex.ru).